

Дарья Зарубина

Лети с приветом

*Часть сборника
Настоящая фантастика – 2012
(сборник)*

Дарья Зарубина
Лети с приветом

«ЭКСМО»

2012

Зарубина Д.

Лети с приветом / Д. Зарубина — «Эксмо», 2012

ISBN 978-5-457-14411-8

Российский солдат несет нелегкую службу на далекой планете. Единственная отдушина – письма любимой девушке, которые никогда не будут доставлены по адресу...

ISBN 978-5-457-14411-8

© Зарубина Д., 2012

© Эксмо, 2012

Дарья Зарубина Лети с приветом

Отправитель: т созвездие Северная корона. Планетоид Нимфа (Жемчужина). Станция НИМ-1. Индивидуальный почтовый номер: 8067—9684677 ОЛ-7743-РСБ78.

Получатель: Солнечная система. Земля. Россия. Иваново. Индивидуальный почтовый номер: 8064—4891233 АТ-3877-УУС47.

Дата отправления: 18.08.2038

Привет, Непослушная ромашка!

Через полчаса мы все уже будем в полном отрубке. Перед гиперпрыжком ребятам по очереди колют какую-то дрянь. Но мне не хочется вдаваться в подробности. Парни, тут есть кое-кто с мозгами, хотели мне объяснить. Но я подумал, что все это люди не глупее нас просчитывали, поэтому решил просто, по-солдатски (постоянно стараюсь держать в голове, что я теперь солдат), подчиниться.

Надо написать тебе что-нибудь такое, солдатское. Вроде: Почтальон, шире шаг! Или: Важнее даже автомата письмо девчонки для солдата! Или что там еще? Правда, у нашего почтальона с ногами туговато и, как бы я ни хотел, это письмо дотащится до тебя только через год. Даже пытаться не хочу прикидывать, когда это. И без того тоскливо.

Я понимаю, что верному стражу Родины не полагается предаваться унынию. Ну, так я и не страж, а скорее разработчик целины. Знаешь, раньше на такие планетоиды на стройки зэков гоняли, а теперь солдатню.

Перечитываю письмо – не важнец выходит. Не умею я письма писать. Но все-таки это лучше, чем ничего, ведь правда?

Буду учиться быть хорошим корреспондентом (так, кажется).

Твой друг С. Ч.

Дата отправления: 14.09.2038

Я второй день на станции и потихоньку обживаюсь. Ребят селили по двое, как придется, а мне повезло – не досталось свободной комнаты, и меня взял к себе Генка Собинов. Ну, ты его помнишь. Он гулял года два назад с Махой, а потом в армию ушел. Реально, он тоже тут служит, на Жемчужине. Ему уже надо было обратно лететь, но он, ненормальный, остался на сверхсрочную. Хочет заработать на операцию матери, ему сестра письмо прислала, просила, чтобы оставался. Забавно получилось. Мы им письма привезли августовские, а сейчас по почте еще только ноябрьские от прошлого года доходят. И, знаешь, все равно приятно. Здесь даже обычай есть: когда кто-то отслужил, а письма его все идут, то их получает тот, кто из новобранцев его койку занял.

Здесь вообще какое-то странное отношение к письмам. Тут же как – компьютер печатает письма на листах, листы сворачиваются и запечатываются в конверты. Так что мы получаем письма почти такие же, как на Земле. Кое-кто из ребят умудрился загрузить в компьютер новые шрифты, очень похожие на обычный корявый почерк. Парни считают, что так письмо выглядит «роднее». Так вот, письма получают не для того, чтобы читать. Некоторые, особенно те, кто получает почту отслуживших, конвертов вообще не вскрывают. Они сворачивают их уголком и приклеивают на стену, и когда дверь в комнату открываешь, письма на стене начинают шелестеть. Когда конвертов много, звук получается такой, как бывает в лесу, когда ветер по листьям. Здесь распечатанными письмами меняются, как какими-нибудь коллекционными штуками. Генка говорит, тут три срока служил парень, у которого перед самой отправкой на Жемчужину то ли умер кто, то ли что-то в этом роде. Так он собирал письма,

в которых про смерть говорится. Правда, я этого еще не в силах понять. К счастью, ничьих писем я не получаю, и по этому поводу старики относятся ко мне покровительственно, как будто жалеют, что ли. И меня, Ленка, это здорово бесит.

Теперь давай расскажу тебе про станцию. Здесь неплохо, хотя домом никак не назовешь. Но и на армию совершенно не похоже. Я думал, будут огромные бараки, двухъярусные кровати и все такое. А тут комнаты на двоих. Чисто. И в каждой комнате свой туалет, который никто не заставляет чистить зубной щеткой, как меня пугал наш Алексеич. Видимо, когда он служил, это было вполне в тему, а сейчас, как-никак, уже не те времена. Чему я здорово рад. Как здесь наказывают, я пока не знаю, потому что за два дня еще никто не успел толком провиниться. Хотя ребята разные. Нас тут двести шестьдесят четыре человека. Семнадцать девчонок-медичек. Но тут кое-кто говорит, что они не только медицинскую помощь оказывают и к ним ходят, ну... когда припрет. Поэтому у них и комнаты для каждой своя. Я не верю, но сам видел, что у девчонок на дверях такие штуки стоят – личные карточки считывать, вроде как сразу со счета деньги автоматически снимаются и им в получку начисляются плюс к зарплате.

Ладно, остальное в следующем письме, а тот тут сейчас проверка пойдет. Отошлю письмо. Мне кажется, что ребята ящики взламывают и черновики читают. Поэтому я сохранять не буду, сразу удалю. А в следующем письме буду дальше писать.

Приколись, уже столько накатал, а думал, что никогда письма писать не научусь. Так ведь получается, блин.

Эх, держись, подруга! Я еще стану великим... как его... эписистоляр, что ли.

Не смейся, как будто ты очень умная, все равно не знаешь, как выглядит автомобильная свеча.

Не грусти без меня. А я без тебя все равно буду. Реально фигово одному...

Ладно. Все, проверка идет.

Целую в щечку, ставлю точку.

Твой друг С. Ч.

Дата отправления: 16.09.2038

Вчера не получилось сесть и написать. Генка гонял нас на работу. Долбили тоннель подо что-то секретное. Женька говорит, сюда разведчики свою аппаратуру хотят установить, чтобы посматривать, что на других станциях делают. Особенно их французы напрягают и японцы. Только нашим секретчикам очень хочется, чтобы никто об этом их интересе не знал, поэтому мы должны усиленно делать вид, что строим себе подземную километровую бильярдную или женскую баню. Но, по правде говоря, я и про секретную аппаратуру не очень верю. На фиго им здесь, на рогах, следить за своими же, землянами? Это все равно что ехать на Гавайи, чтобы подглядывать через дырочку в пляжные кабинки к русским девчонкам. Но мои выводы никого особенно не касаются, и баню мы строим или бункер для какого-нибудь джеймсбонда, а копать все равно надо. Смешно, конечно, но работа адова. Тут снегу по самые... слушай, чуть не написал слово, которое ты не любишь. Кстати, зря. Уж что дадено мужику природой, того не отнимешь. Я свое, во всяком случае, отнять точно не дам. Снегу, короче, почти по пояс. И около станции. А если дальше идти, к горам – вообще крышка. Копаем до земли и дальше. Ясно, техника, но тут техникой не все можно сделать. Здешний снег не совсем как у нас, на Земле, в нем фигня какая-то, которая на электронику плохо влияет. Поэтому у нас копалки, которые на чипах, погибают в три дня. А их потом Женька месяц чинит. Во всяком случае, он так говорит. А он вообще столько говорит, что я подозреваю, не всему можно верить. Но за что купил, за то продаю.

Так что копалку с чипом нам дают одну на группу. А копалки, которые без чипов, сколько унесешь. А называются они – лопатка саперная обыкновенная, ЛСО. Чувствую, мы с этой саперной обыкновенной за два года на морозе так подружимся – водой не разольешь.

А разделение здесь странное. По тридцать два чела в группе плюс начальник. Как узнал, в голову пришло, что это они слово «рота» неправильно поняли, с корнем «рот». Ребятам шутка понравилась, они теперь зовут друг друга «зубы». Мне сдается, здесь на Жемчужине народ вообще по своим каким-то правилам живет. Ну, они живут, и я привыкну. Ты же знаешь, я трава такая – куда брось, там и прижилось.

Весь день рыли. Даже обеда не дали. Генка сказал, пока туда-обратно дезинфекцию пройдем – и пообедать не успеем, и от нормы отстанем. А в конце месяца ребята из других групп будут с девочками в карты играть и отсыпаться, а мы будем здесь в мерзлой норе ЛСО ковырять.

Геныч, он вообще оказался отличный мужик. Натурально, железный. На него смотришь, кажется, будто ему ни есть, ни пить не надо. Прямо, сверхчеловек какой-то, типа супергероя. И читает столько, что закачаешься. Сразу ясно, почему он в командиры выбился. Такого не хочешь – будешь слушаться. Он ребят зря не гоняет, если надо что сделать, объяснит, зачем надо. А то Головин из второй группы так только орет. Дуболом армейский, не сказать бы хуже...

Так что, малыш, повезло мне конкретно. То ли в рубашке родился, то ли синяя птица мне на голову накапала, да только в одной комнате с образцом воинской доблести живу, каждое утро вижу, как этот образец зубы чистит. По сравнению с ним чувствую себя тупым заморышем, хотя он хорошо со мной обращается. По командирским меркам. Туалет-то в нашей комнате все равно я убираю. Но мы оба люди довольно аккуратные, и это не особо напрягает.

Вот пишу, пишу, а о главном ни слова не написал.

Здесь, конечно, неплохо. Но мне ужасно не хватает тебя и мамы. И солнца. Тут почти все время темно и снег. Как люди не фигеют от этой темноты и снега. То, что они называют днем, я все еще воспринимаю как сумерки. А то, что они называют ночью, я называю «как у не...». Ой, извини, что-то у меня сегодня никак с политкорректностью (ну как, слово-то хоть я не переврал?!).

Скучаю.

Скучаю дико. Хотя солдатам, наверное, неприлично в таком признаваться. Но я еще не совсем осолдатился, поэтому могу скучать. Никто меня здесь не воспитывает, никто не одергивает, когда я говорю «носок» вместо «носков» или путаю «одеть» и «надеть»... Ромаха, хоть ты сейчас и за фиг знает сколько тыщ километров, ты все еще мой самый близкий друг.

Твой друг, Серега Ч.

Дата отправления: 01.10.2038

Привет, Ромашка.

Считал-считал, думаю, это письмо ты еще успеешь получить до того, как я вернусь. Извини, что не писал целых две недели, но просто не мог. Обморозил пальцы на правой руке, да и с левой не все хорошо было.

Такая штука... Короче, здесь ведь не только колонисты живут. Тут еще и коренное население имеется. Аборигены, типа, четырехногие. Это такие зверюги, вроде шакалов, но помельче, размером с небольшую кошку. Но это такие падлюжные твари, что ни в сказке сказать. Дня через четыре после того, как я тебе в прошлый раз писал, на нас на наружных работах целая стая накинута. Женьке ногу разодрали. Еще кое-кому из ребят досталось. Ну, мы, в общем, от этой дряни отбивались, кто лопатами, кто чем. Генка пальнул пару раз,

но не так, чтобы пристрелить. Этих гадов стрелять нельзя, а то всю ночь выть около станции будут, да еще и загадят все. А если просто распугать, то еще недели две не появятся.

Так вот одна собака с меня варежку стащила. Думал, не проблема, морозец не сорок градусов. А как стала рука замерзать, так уж поздно было. Как-то, раз – и вообще не чувствую. А левую я просто по дуруости повредил. На дезинфекцию после пошли, так я варежку с левой руки на правую натянул, думал, отогрею. А командиру про потерю обмундирования не доложил. Стыдно было дальше некуда, что дал шавке с себя трофеей получить и как осел обморозился. Вот и получил химический ожог левой кисти. Температурища вскочила. Ну, дурак есть дурак. До сих пор даже вспоминать стыдно.

Загремел в лазарет. Там, понятное дело, отогрели. Даже, знаешь, предлагали кое-что. Но я отказался. Как-то брезгую, что ли. Не люблю мест общественного пользования. Женек говорит, еще не приперло. Он сам туда уже дорожку протоптал. Но он неплохой парень, и с головой. Вот он и шутит, что эта самая голова ему покоя не дает.

И тут в лазарете и выяснилось, что у меня в карте группа крови неправильно указана. Мне написали третью, а у меня первая. Ошибка компьютера, сбой данных. И, в общем, я у них один такой на станции. И крови в банке у них для меня нет. Так что мне теперь наружные работы заказаны, чему я, признаться, рад.

Зато сказали, что переведут. Написали по «командирской» на Землю, чтобы прислали транспорт за мной, потому как нельзя, чтобы человек служил в части, где для него донорской крови не приготовлено. Оказывается, новобранцев по группе крови сортировали. Единичка поближе к Земле служит, а меня сюда по ошибке закинули. Сообщение по «командирской» быстрее идет, но все равно будет на Земле только через четыре месяца, так что месяцев через пять за мной прилетят, а пока ребята зовут меня смертником и постоянно спрашивают, не было ли у меня в роду больных гемофилией.

Я спрашивал, нельзя ли меня хоть в какую другую группу перевести, где работа не угрожает кровопотерей. Я видел, что вторая и восьмая вышку какую-то монтируют, третья и четвертая строят жилые корпуса для этих, ну, которые всякие полезные ископаемые добывают, но остальные-то со станции и носа не показывают. Я и спросил, чем они занимаются. Не успел трех слов сказать, Генка рявкнул «секретно» и так зыркнул, словно я ему зуб без наркоза выдирать собираюсь. Вот ведь... Что я, не человек? По-людски не понимаю?.. Но я не в обиде. Он зря выламываться не станет. Он уже взрослый мужик, считай, а я кто?.. пацан зеленый.

Я что-то здесь уже прижился и улетать раньше времени не хочется. В другом месте пристраиваться, снова приживаться... Блин, неохота, жуть. Приписали меня к лазарету. И то девчонки не дают острые предметы стерилизовать. А вдруг порежусь как-нибудь зверски и кровью истеку. Витамины выдаю. Полы мою везде, где покажут. Чувствую себя бабой какой-то...

Вообще, странно. Всю жизнь был как все. Самый обыкновенный пацан. А вот теперь понимаю, как это – быть не у дел. Все равно то, что меня тут не должно быть, выяснилось бы очень скоро. Не из-за проклятых шавок, так в День донора. Стали бы брать у меня кровь для банка, и все... Наверное, я потому так и невзлюбил этот хренов День донора, что все остальные его считают чуть ли не праздником. Парадная форма и все такое... Работы отменяются... Все идут в медчасть, сдают по пакету крови – это как везде. Но тут еще такая штука – потом каждому обратно заливают ту кровь, которую он месяц назад сдал. Типа как съесть консервы, которым завтра на помойку, но сегодня они как бы еще годны. В общем, лучше в вас, чем в унитаза.

Ну ладно, не будем о грустном.

Я, пока с перевязанными руками в бреду лежал, столько всего передумал и перевспоминал. Вспоминал, как мы с тобой последний раз на речку ходили и ты колечко потеряла.

Закрою глаза и перед глазами зелень, как в воде. И, кажется, что протяну руку и под пальцами будет песок. А под ним камешки.

Я в тот день тебя домой отвел и до вечера в реке шарился, думал, найду кольцо и под подушку тебе тайком подброшу или попрошу мать в пирог запечь и тебе подарю на какой-нибудь праздник. Но так и не нашел. Мне иногда казалось, что найди я тогда колечко, и все было бы по-другому. И группу крови бы в карточке не перепутали, и vareжку бы с меня шавка не стащила. Глупо, да?! И я думаю, глупо. Только когда бредишь, умного обычно в голову ничего не приходит.

Девчонки в лазарете думают, что ты – моя невеста. Ну, потому что я в бреде про тебя говорил и с Маринкой переспать отказался. Они уже и ребятам рассказали, так что теперь меня все подкалывают. Я сначала напрягался по этому поводу, а потом подумал – а почему нет. Ты ведь не против. А так ко мне меньше цепляются, когда за компом письма пишу, и заглядывать теперь не пытаются. Типа, отношения влюбленных – это дело тонкое. Я даже под это дело стал типа нештатного психолога. Психолог-то так у нас Маринка. Но ребята к ней не особенно идут с сердечными делами, а со мной иногда откровенничают, потому что думают, что я лучше женщин понимаю. Вот так, Ленусь, вышел твой Серега в исповедники. Громко не смейся, соседей разбудишь.

Ладно, надо ребят с наружных работ запускать. Я же теперь еще и на пункте дезинфекции работаю, кнопки нажимаю. Вкус власти и все такое...

Целую тебя и маму. Привет Владимиру Павловичу и Махе.

Твой друг Серега.

Дата отправления: 01.11.2038

Привет, Лена.

Еще месяц прошел. А как будто ничего не изменилось. Вокруг снег, ветер и темнота. Ребята по вечерам играют в карты, слушают музыку и, когда приходят девчонки, даже танцуют. Ну и пишут письма. Или читают вслух те, которые все еще приходят отслужившим. Знаешь, тянут из пачки нераспечатанных наугад и читают. Иногда такая фигня попадается, что просто диву даешься, как такое можно написать. А иногда читаешь, и дышать трудно, написано, прям как стихи.

Твои письма, наверное, тоже на стихи похожи. Я, правда, в стихах мало понимаю. Это тебе не футбол «наши с голландцами». Блин, даже по футболу уже скучаю. Мы здесь иногда играем, в День донора, например, ребята кровью наширяются и им здорово побегать охота, но все равно не совсем то получается. Ладно хоть договорился с Генкой, и он под свою ответственность берет меня на наружку, а то вообще вешалка. Никогда не думал, что день помахать лопатой будет для меня как праздник.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.